

РОЛЬ КРЕДИТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРМЯНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РОССИИ (XVII—XVIII вв.)

Ж. А. АНАНЯН, В. А. ХАЧАТУРЯН

В силу особенностей исторического развития армянского народа торговли капитал армянского купечества на протяжении XVI—XVII вв. формировался не только в собственно Армении, но и в ряде стран Европы и Азии. Обстоятельства политического и преимущественно экономического характера способствовали тому, что начиная с 60-х гг. XVII в. наблюдается тенденция переориентации армянского торгового капитала на Россию. Это обстоятельство, с одной стороны, сыграло важную роль в последующем формировании политической ориентации армянского освободительного движения на Россию, а с другой—создало благоприятные условия для участия армянского торгового капитала в первоначальном накоплении в России, для формирования буржуазных отношений и других процессов социально-экономического развития русского государства. Не случайно переориентация армянского торгового капитала имела место в то время, когда, по определению В. И. Ленина, начинается «новый период русской истории», связанный с возникновением национального рынка и капиталистических отношений¹. Исходя из этого ленинского положения, ряд советских историков пришли к выводу, что в России в XVII в. торговый капитал стал активно вторгаться в экономические процессы и появились условия для возникновения капиталистического способа производства². Это привело к созданию такой формы капиталистического уклада как кредитование.

Экономические процессы, имевшие место в русском государстве в рассматриваемый период, в том числе вопросы ростовщичества и кредитования, не могли не затронуть армянский торговый капитал, сложившийся в армянских колониях России. Однако в советской историографии (в том числе армянской) нет еще специального исследования, посвященного проблеме развития кредитования среди армян в России. Нашей целью является в посильной мере восполнить этот пробел—рассмотреть возникновение и развитие в армянских колониях ростовщичества и системы кредитования в контексте некоторых характерных социально-экономических процессов, имевших место в период становления и утверждения русского абсолютизма.

В основу настоящей статьи положен материал, выявленный из архивных фондов и ряд опубликованных источников. Прежде всего надо отметить «Судебник астраханских армян», из соответствующих разделов которого прослеживается порядок денежных сделок и который содержит образцы принятых в то время кредитных документов³. Определенный интерес представляет Расчетная книга крупного торговца, ро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 153—154.

² М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации (К постановке вопроса).—Вопросы истории, 1958, № 7; А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.).—Вопросы истории, 1961, № 4; Н. В. Устюгов. Предисловие к кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961; И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий. Начальный этап генезиса капитализма в России.—Вопросы истории, 1966, № 10; Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969; Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983.

³ Հանրապետական Կարգադրանքի Հանրոց. Աշխատանքային թղթերի Զ. Գ. Պողոսյանի, Երևան, 1967.

стовщика и общественного деятеля Егии Карнеи, жившего в 1712—1714 гг. в Астрахани. Она содержит регистрацию долговых сделок с различными армянскими купцами⁴. Кредитные операции армян, способы перевода денег и деятельность торговых товариществ отражены в ряде других рукописей и документов, находящихся в различных архивах и библиотеках. Так, большую ценность для раскрытия нашей темы представляют редко используемые исследователями данные крепостных книг местных учреждений, хранящиеся в соответствующем фонде ЦГАДА СССР, где зарегистрированы кредитные сделки армянских торговцев в России, фиксировались поручительства и т. п.⁵ Много документов, отражающих вексельные операции армян, хранится в фонде Астраханского Армянского суда в ЦГИА АрмССР⁶. Часть документов ЦГАДА была издана в сборнике «Русско-индийские отношения»⁷. Развитие ростовщических и кредитных сделок среди армян—торговцев России позволяют проследить документы из фонда Астраханской приказной палаты Архива ЛОИИ, относящиеся к XVII—началу XVIII вв. Материалы, освещающие эти вопросы, имеются и в других архивах Еревана, Москвы, Ленинграда.

Среди специальной литературы следует выделить ценный труд С. Я. Борового о кредите и банках России в XVII—XIX вв.⁸ Если материалы и положения, содержащиеся в книге С. Я. Борового, помогают рассмотреть вопросы кредитных операций армян в России на фоне становления и развития русского кредита и банков, то документы, впервые используемые в исследованиях Н. Б. Голиковой и А. И. Юхта, свидетельствуют о развитии в России среди армянского населения (в первую очередь Астрахани) кредитно-денежных отношений⁹.

Известно, что армянское население Астрахани, ставшее первой сформировавшейся колонией в России, играло в XVII—XVIII вв. важную роль в экономической жизни страны¹⁰. Увеличение поселения армян в Астрахани во второй половине XVII в. уже само по себе стало одним из следствий процесса переориентации армянского торгового капитала на Россию. Здесь проживали армяне, переселившиеся главным образом из владений Ирана и других стран Востока. Поэтому характерная особенность армянского торгового капитала в начальный период своего развития в российском государстве заключалась в том, что в нем переплетались и взаимно уживались две противоположные тенденции. С одной стороны, это были близкие странам Востока и отличные от Запада нормы национальной экономической среды, с другой—воздействие новых для армянских купцов и предпринимателей социальных и экономических условий, характерных для российской действительности конца XVII—начала XVIII вв.

⁴ *Եգիա Կարնեցու ղեկան. Նյութեր Մերձավոր Արևելքի և Անդրկովկասի պատմության. Առաջադիմի և ծանրագրությունները պրոֆ. Ա. Գ. Արրահամյանի, Երևան, 1968:*

⁵ ЦГАДА СССР, ф. 615 (Крепостные книги), оп. 1, кн. 525, 529—534, 548, 564, 579 и др. Кредитные операции армянских купцов фиксировались также в таможенных книгах. См. там же, ф. 1361, оп. 1, д. 6.

⁶ ЦГИА АрмССР, ф. 383 (Астраханский Армянский суд), оп. 3, д. 983 и след.

⁷ Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. М., 1958; Русско-индийские отношения в XVIII веке. М., 1965.

⁸ С. Я. Боровой. Кредит и банки России (середина XVII в.—1861). М., 1958.

⁹ А. И. Юхта. Записные книги Астраханской крепостной конторы как источник по истории армянской колонии в Астрахани в XVIII в.—Историко-филологический журнал, 1960, № 2; Н. Б. Голикова. Ростовщичество в России в начале XVIII в. и его некоторые особенности.—В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; она же. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в.—В кн.: Русский город (исследования и материалы), вып. 2, М., 1979.

¹⁰ А. И. Юхта. Восточная торговля России в 30—40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов (по материалам Астраханской таможни).—Известия АН АрмССР (обществ. науки), 1956, № 8; В. А. Хачатурян. Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII в.—Изв. АН АрмССР (обществ. науки), 1965, № 7; он же. Образование армянской колонии в Астрахани.—Историко-филологический журнал, 1983, № 4.

Эта особенность, характерная для начального этапа торгово-экономической деятельности российских армян, отразилась и в процессах развития кредитных отношений в армянских колониях России. Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных вопросов этих отношений в армянских колониях, важно отметить, что указанная выше особенность в определенной степени нашла отражение также в статьях первого в России армянского судебника, составленного в середине XVIII в. в Астрахани и использованного в дальнейшем в практике административно-судебных органов и других армянских колоний—Кизляра, Моздока, Новой Нахичевани и Григориополя.

Если рассмотреть статьи Судебника с точки зрения раскрытия нашей темы, то мы обязаны отметить, что разнообразные формы кредитования, зафиксированные в его статьях, были отражением практики, уже существовавшей в армянских общинах на протяжении предшествующего периода. Это подтверждается тем, что в «Судебник астраханских армян» перекочевали старые названия и определения долговых документов, таких как, например, *санад* и *барат*. Санад—наиболее распространенная форма простой долговой расписки. Упоминание в расписке каких-либо условий выплаты долга означало уже другую форму документа—договор, контракт, называвшийся персидским (как и ряд других понятий) термином *шартнама*¹¹. Барат также представлял долговое обязательство, но оно могло затрагивать сразу нескольких лиц, поскольку допускало возвращение долга другими лицами (очевидно, в свою очередь, занимавшими у должника) и другим лицам (которым мог быть должен займодавец). Барат можно было также продавать, то есть за деньги передавать право получения долга¹². Барат являлся, таким образом, формой переводного векселя.

В статьях Судебника прослеживаются элементы, характерные для средневекового ростовщичества, развивавшегося в странах Востока. Однако в условиях российской действительности, под воздействием факторов объективного и субъективного порядка, они видоизменились, приобретая новое содержание.

Рассмотрим, к примеру, порядок оформления процентов, залогов, поручительства, которому посвящены в Судебнике специальные главы. Поскольку внутри армянской общины также практиковалось ведение торговли на займные деньги из расчета получения одной трети прибыли¹³, то многие торговцы предпочитали просто брать деньги в долг под проценты от одолженной суммы. Этот процент тоже бывал подчас высоким, особенно если ссуда выдавалась срочно и на не слишком длительный срок (шпаче несоразмерность процента делала бы сделку бессмысленной). Объяснение этому следует искать и в том, что высокий процент применялся в практике новоджувльпских купцов (в среде которых были еще сильны пережитки средневекового ростовщичества) как в самой Джувльфе, так и в России в первое время после их обоснования здесь. Известны случаи, когда некоторые армянские купцы в Астрахани давали в долг за 12, 24 и даже за 40 процентов. Однако, как отмечал К. Маркс, в течение всего XVIII в. прослеживалась тенденция «насильственного понижения процентной ставки»¹⁴. Эту тенденцию поддержало и российское законодательство.

В изданном в 1754 г. указе о банках говорилось и об «указных процентах». Государство таким образом монополизировало все легальные ссудные операции¹⁵. Манифест 1764 г. повторно запрещал брать более чем 6-процентную ссуду. Ростовщики, требовавшие высокие проценты, объявлялись «сугубыми преступниками»¹⁶. Эта тенденция распространилась и на законодательство российских армян. В астраханском судебнике максимум установленного процента составлял 0,5% в месяц, или 6% в год. Долговая расписка, в которой предусматривался более высокий процент, считалась недействи-

¹¹ *Գրաստանի արժեքները...*, էջ 32.

¹² Там же, с. 172—173.

¹³ Там же, с. 130.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 152.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. XIV, № 10. 235.

¹⁶ ПСЗ, т. XVI, № 12.124.

тельной, а займодавец, взявший такой санад, подлежал штрафу в пользу суда в размере одной десятой части долговой суммы¹⁷.

Тенденция понижения процентных ставок с кредита наблюдалась также в практической деятельности армянских купцов, переселившихся в конце XVII—начале XVIII вв. в Россию из Ирана. Интересные данные по этому вопросу имеются в Расчетной книге Египа Карнеци. Первые страницы этого журнала относятся к периоду, когда его держатель жил еще в персидском городе Реште и ссужал купцов, отправлявшихся оттуда в Россию. Перебравшись впоследствии в Астрахань, он давал деньги уже на поездки из Астрахани в Персию и вверх по Волге.

Сохранились записи о ссужении, например, купца Атанаса, сына Меликсета, направлявшегося из Персии в Астрахань. Карнеци вручил ему 6 туманов с обязательством вернуть 8 туманов 4 тыс. днанов, то есть 8,4 тумана. Другому армянину—Погосу, сыну Медкопа, собиравшемуся поехать в Астрахань, был дан вексель на 4,5 тумана с обязательством вернуть 6,3 тумана¹⁸. Из этих, как и последующих, записей видно, что ссуды выдавались в основном из расчета уплаты 40 процентов. Но даже при таком высоком проценте кредита армянские купцы в конечном счете не оставались в накладе, так как провозная пошлина с их товаров была низкой.

Будучи в Астрахани, Египа Карнеци продолжал ссужать деньгами армянских купцов, причем в астраханских документах уже указывается срок ссуды—31 день. Теперь процент бывал уже низкий, как это стало практиковаться в России с первой четверти XVIII в. Так, в 1714 году Карнеци вместе с двумя другими ростовщиками ссудил 53 тумана Пирину из Джульфы и Сааку из Акулиоа для поездки в Шемаху. Через 31 день требовалось вернуть ему 55 туманов. В другой раз он вместе с двумя другими купцами дал тому же Пирину 47 с половиной туманов с обязательством вернуть 50 туманов и с разделом возвращенного долга на три равных части по 16 и 2/3 тумана. Ссуды предоставлялись также в старых персидских деньгах (абасах), при этом с требованием вернуть долг в России в новой валюте¹⁹.

На примере эволюции коммерческой деятельности части джульфинских купцов и в их числе Египа Карнеци, которые, связав судьбу свою с Россией, поменяли сферу торговых интересов, мы видим, что армянский торговый капитал, не потеряв в целом своего лица и еще не до конца разорвав нити, связывавшие его с экономической средой Востока, тем не менее вынужден был подчиниться общему ходу социально-экономического развития России. В то же время в оаом Иране положение армянских купцов было иным. Сам характер политического и социально-экономического развития феодального Ирана отвергал полное участие армянского торгового капитала в экономике этой страны. Вот почему шахское правительство не в состоянии было «обуздать» армянских ростовщиков. Это был тот случай, когда по отношению к капиталу, приносящему проценты, практически не применялась власть деспотического отсталого режима²⁰. Отсюда неизменно высокая норма ссудного процента в среде армянских купцов Ирана.

¹⁷ *Մանուկի Կարնեցիի թանգարանը...*, էջ 48—49:

¹⁸ *Եգիպոսի Կարնեցու թիվան,* էջ 305:

¹⁹ Там же, с. 306.

²⁰ В силу специфики социально-экономического развития Ирана и Османской империи оба эти государства (особенно Турция) не заботились о развитии производительных сил своих стран. Это обстоятельство в значительной степени объясняет, почему столь робкими и непоследовательными были меры обоих правительств, направленные на ограничение ростовщичества и регламентирование ссудного процента. Поэтому нам трудно согласиться с М. Х. Гейдаровым и С. Ф. Орешковой, которые в исследованиях о ростовщичестве в Иране и Османской империи отмечают, что хотя в этих странах в рассматриваемый нами период и имела место легализация кредитных операций (легальной формой ростовщичества там в основном пользовались немусульмане), тем не менее правительства этих держав последовательно боролись с ростовщичеством. Гейдаров, например, идя на поводу у единичного факта, приведенного

Совершенно иной была картина в условиях российской действительности. Армянское купечество российских колоний хотя и являлось самостоятельным экономическим элементом, все же было одновременно составной частью русского хозяйственного организма и, естественно, не могло идти наперекор его развитию. Отмечая, что в России уже в начале XVIII в. намечалась тенденция понижения ссудного процента (как мы могли убедиться, она коснулась и находившихся в стране армянских купцов), мы тем не менее должны констатировать, что в целом ссудный процент оставался высоким. С одной стороны, это объясняется тем, что в условиях феодальной России ростовщичество имело продолжительную жизнь. К. Маркс писал, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго...»²¹ Стало быть, наличие ростовщического капитала само по себе предопределяет тенденцию сохранения высокого ссудного процента²².

Мы видим таким образом, что ростовщический капитал в России развивался по классической модели. Как в любой другой феодальной стране. «по отношению к капиталу, приносящему проценты», в русском государстве применялась административная власть, осуществлялось «насильственное понижение процентной ставки». Маркс подчеркивал, что такая форма капитала была свойственна «наименее развитым ступеням капиталистического производства»²³. Как в других феодальных странах Европы, в России «капитал, приносящий проценты», был сломен и подчинен промышленному капиталу. Об этом свидетельствует вся история социально-экономического развития российского государства XVII—XVIII вв. В России, как и везде в Европе, зачатки кредитной системы первоначально являлись «*полемической формой* против... ростовщиков»²⁴. С другой стороны, в условиях российской действительности кредитная система выступает как форма протекционизма в отношении формирующейся русской буржуазии и развивающейся промышленности.

А. Олеарием (в Ардебиле были отданы в рост деньги из расчета 150%, за что ростовщик был строго наказан), приходит к выводу, что при Сефевдах ростовщичество жестоко пресекалось. Однако несколькими абзацами ниже тот же автор, противореча самому себе, признает, что ростовщичество в Иране в позднем средневековье частично разорвало правовые оковы шариата, запрещающего ростовщичество. См. М. Х. Гейдаров. О роли и особенностях ростовщичества в Азербайджане и сопредельных странах мусульманского Востока в XIII—XVII вв.—В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 50—54; С. Ф. Орешкова. О ростовщическом кредите в Османской империи в начале XVII в.—Там же, с. 172—177.

²¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 146.

²² Если проследить вкратце эволюцию ссудного капитала в России, то следует отметить, что русское законодательство XVI—XVII вв. предполагало высокую ссудную ставку. Советские исследователи, в частности С. Я. Боровой, объясняют высокий ссудный процент в России XVII—первой пол. XVIII вв. чрезвычайной ограниченностью «свободных» средств на денежном рынке, недостаточной правовой обеспеченностью кредита, рискованностью торговых операций, под которые давались ссуды, и отсутствием каких-либо форм организованного кредита (См. С. Я. Боровой. Кредит и банки..., с. 14). Однако существовала еще одна причина высокого ссудного процента: это частые банкротства русских купцов. Как отмечал один иностранный автор XVIII в., миллионы денег разных народов потеряны в России нарушением кредита. Об этом же свидетельствует история о должниках видного армянского негодяя и политического деятеля первой трети XVIII в. Ивана Карапета. Часть русских купцов Петербурга и Москвы, кредитованная Иваном Карапетом, объявила себя банкротами и отказалась выплатить долг. См.: Новые документы об Иване Карапете. Из истории армяно-русских торгово-экономических отношений первой трети XVIII. Вступ. статья, публикация и комм. Ж. А. Ананяна.—Историко-филологический журнал, 1982, № 3, с. 200—220.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 26, ч. III, с. 490.

²⁴ Там же, с. 491.

Первая попытка создания купеческого банка была предпринята в 1665 г. псковским воеводой А. Л. Ординым-Нашокиным. Созданная во Пскове земская изба должна была выполнять функции банка²⁵. В 1699 г. земские избы были организованы и в Москве. Им предоставлялось право выдавать ссуды горожанам²⁶. Преобразования Ордина-Нашокина и его первые попытки создания кредитных учреждений²⁷ были направлены, с одной стороны, на укрепление конкурентоспособности русских купцов перед иностранным торговым капиталом, а с другой—на ограничение власти ростовщиков: как национальных, так и нерусских займодавцев.

К числу последних принадлежали и армяне. Армянский торговый капитал первоначально был сконцентрирован главным образом в Астрахани. Формы, в которых представлялись кредитные дела армянского купечества России в период, когда торговый капитал астраханских армян еще только входил в русло социально-экономического развития русского государства, были довольно многообразны. Они определялись не только русской средой, но и тем многонациональным окружением, в котором находилось армянское купечество как Ирана, так и той же Астрахани. Важным фактором кредитных дел астраханского купечества, и в их числе армянского, является существование в классической форме ростовщического капитала живших в Астрахани индийских купцов. Ограниченность в XVII—XVIII вв. свободных средств приводила к практике займов, ставших одним из важных условий ведения армянами как внешней, так и внутренней торговли.

Одной из форм займа было объединение капитала двух или нескольких купцов, что давало возможность расширить масштабы торговых операций, быть более устойчивыми среди конкурентов, повышать прибыль, которая потом делилась в зависимости от вложенной доли или согласно договоренности. Например, по договоренности, заключенной 31 июля 1725 г. между армянином Андреем Егоровым и индийцем Товаром Балланевым (армянские купцы в коммерческих целях часто входили в деловое товарищество с индийцами, специализировавшимися в ростовщичестве), предусматривалось поделить прибыль на две равные части, хотя в данном случае индеец вложил сумму, превышавшую капитал армянского купца. На этих же условиях предполагалось поделить возможные убытки от предпринятого дела²⁸. По контракту же, заключенному 4 сентября 1725 г. в Астрахани между двумя армянскими купцами и тремя индийскими (и в этом случае индийцы вложили в дело вдвое больше капитала), прибыль с торгового оборота предполагалось разделить на 9 частей: пять частей должны были получить индийцы, а четыре доставалось армянским купцам. На случай убытка договор оговаривал: «а буде учинится наклад, то друг на друге не спрашивать»²⁹.

Обращает на себя внимание принцип распределения доходов: большую часть получал тот, кто предоставлял финансы, меньшую—инициатор и организатор операции. В записи, составленной в Астраханской конторе, читаем, что армянский купец, взявший в октябре 1725 г. ссуду у индийцев, обязывался купить на эти деньги товары и привезти их для продажи в Москву, а по возвращении вернуть индийцам взятые деньги и две трети извлеченной прибыли. «А мне, армянину,—писал купец,—взять

²⁵ Цель ссуды русским купцам формулировалась следующим образом: «ссуда им для того, чтобы бедные люди от иноземцев были отлучены, а у лутчих людей в товарах цены не портили».—Дополнение к Актам историческим, т. V. Спб., 1855, с. 7.

²⁶ ПСЗ, т. III, №№ 1674, 1675.

²⁷ Как увидим в дальнейшем, вслед за избами в XVIII в. право на кредитные операции предоставлялось некоторым коллегиям, их московским конторам и другим специализированным конторам. Все они до создания в России банков составляли систему кредитных учреждений страны.

²⁸ ЦГАДА СССР, ф. 615 (Крепостные книги), кн. 529, л. 11 об. См. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 65 (в отличие от этого сборника сноски на ЦГАДА даются нами в соответствии с нынешним фондообразованием).

²⁹ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 529, л. 46 об. (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 66).

за труд одну часть» прибыли. Таким образом, инициаторам и организаторам торговых операций (а в этой роли в основном выступали армянские купцы) прибыль причиталась «за труд»³⁰. Этот же принцип распределения прибыли соблюдался в случаях, когда подобные торговые сделки заключались между армянскими купцами. В 1749 г. астраханский магистрат разбирал челобитную акулпского армянина Давыдова, взявшего в Персии у армянина Манвелова «для купчества» 2100 руб. «с письменным оговором в такой силе, что и с получаемой прибыли две части ему, Манвелову, а третью часть—Давыдову»³¹. Благодаря невысокому таможенному тарифу подобные сделки приносили выгоду всем членам спорадически возникавших торговых товариществ, и потому соглашения на таких условиях заключались регулярно.

Часто армянские торговцы предпочитали просто брать деньги взаймы и отдавать их с процентами, независимо от цели их употребления и размеров извлеченной прибыли. Как правило, кредиты предоставлялись купцам, занятым так называемым «отъезжим торгом», что было распространено среди астраханских армян. Срок ссуды в таких случаях давался также продолжительный—иногда до двух лет, то есть столько, сколько обычно требовалось для возвращения из подобной поездки. В этих случаях в крепостной конторе составлялись так называемые «заемные письма». Так, астраханские жители Арслан Алексеев и Александр Андреев составили 24 мая 1726 г. заемное письмо в том, что они «заняли в Астрахани... у Жуглы Арирамова, у Наты Дермуева, да у Копичана Мулаева денег 12.500 рублей». Армяне обязывались выплатить долг в 1727 или 28 годах: «как мы, заемщики, из Амстердаму возвратно прибудим в Астрахань»³².

Среди армянского купчества была распространена также форма так называемого коммерческого кредита. Этой формой пользовались купцы не только армянских колоний России, но и в более давние времена—армянское купчество Ирана, Индии и других стран. Особенно распространена была она среди армян, торговавших иранским шелком-сырцом, а также среди других восточных купцов³³. Коммерческий кредит предполагал покупку товара с обязательством уплаты через определенное время, часто с надбавкой на цену товара. Вот что, например, выясняется из заемного письма, составленного 26 мая 1731 г. между астраханским армянином Яковом Фоминным и двумя ии-

³⁰ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 529, л. 77 об. (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 66—67).

³¹ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 579, л. 4 об.

³² ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 530, л. 183. См. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 69—70 (этот факт впервые приводится в статье А. Юхта «Записные книги Астраханской крепостной конторы». — Историко-филологический журнал, 1960, № 2, с. 65).

³³ Уместно отметить, что русское купчество, входя в торговые контакты с армянскими и другими восточными купцами, на протяжении почти всего XVIII в. выражало недовольство практикой коммерческого кредита. В 1760 г. купцы Москвы, Петербурга и других городов в своей жалобе писали, что иностранное купчество продает товары «больше кредитом... сверх неумеренных высоких цен с промисаннем процентов», а русские купцы «взятые ими в долги иностранные товары внутрь России продают с великим убытком и с раздачей в долги в дальние сроки» (см. М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. IV, М., 1786, с. 527). По описанию Адама Олеария, относящемуся к середине XVII в., русские купцы еще тогда были знакомы с коммерческим кредитом (А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 207). Однако неумение использовать выгоды этой формы кредита часто приводило русское купчество к разорению. Этому имеется много свидетельств, как например сообщение из Баку русского консула М. Сулякова (см. Г. Б. Абдуллаев. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965, с. 458—459), или «Предложения» С. Г. Гмелина (1773 г.) о Каспийском торге. В «Предложениях» (или, как они еще называются, «Записках») Гмелин приводит факты, свидетельствующие о том, что русским купцам не доставало умения торговать в кредит и свои беды они сваливали, в частности, на армян, которые использовали выгоды коммерческого

дийскими купцами. Астраханский армянин взял у индийцев «вслких указных товаров по цене на 1075 рублей», обязуясь, «приехав с Макарьевской ярмарки в Астрахань», выплатить долг в том же году³⁴.

Кредитные операции, как правило, закреплялись разного рода гарантийными поручительствами. Это было вызвано главным образом тем, что сроки отлучки должников зачастую были длительными, а сами поездки купцов, особенно за рубеж,—рискованными. Из-за опасности невыплаты долга многие кредиторы требовали от купцов особых поручительств или же залога имущества. Для иллюстраций обратимся опять-таки к примерам с астраханскими армянами. Армянин Антонов под кредит заложил в 1724 г. свой двор «со всем строениям и со всею рухлядью и с красильными со всеми заводами»³⁵. Другой армянский купец, Захаров занял 22 октября 1725 г. у индийца Марвара Баркова 1550 рублей. «А в платеже,—говорится в заемном письме,—положил товара своего: 6 половинок сукна аглинского по цветам, мерою в них 330 аршин, да 30 половинок сукна аглинского по цветам, мерою в них 921 аршин»³⁶. Спустя два с половиной года, 7 февраля 1728 г. тот же Захаров и сын его Мелкон Андреасов заняли у индийцев Чючерова и Тиллаева 63 рубля. Армянские купцы «вместо поруки до срока заложили женского убору жемчужного низаного 2 перевяски, 1 барок с пенепелы серебряными, 3 фунта серебра лому, доброго и плохова»³⁷.

Таким образом, поручительства или заклад имущества требовались при займе даже сравнительно небольших сумм. Анализ заемных писем свидетельствует и о том, что цена заложенных товаров нередко превосходила кредитную сумму. Такая закономерность была характерна не только для отношения между армянами и индийцами, она наблюдалась в практике кредитного дела также между самими армянскими купцами. Порой высокая цена залога объяснялась срочной необходимостью в кредитной сумме. Из заемного заложного письма, составленного 11 апреля 1728 г., например, явствует, что турецкие армяне заняли в Астрахани у трех индийских купцов 636 рублей с обязательством выплатить долг спустя ровно 4 месяца, то есть 11 августа. В письме перечислялись товары, оставленные в заклад; цена некоторых превышала сумму кредита. В конце письма указывалось: «А буде на срок не выкупят, и теми товарами индейцам владеть»³⁸. В другом случае (по записи 7 марта 1746 г.) астраханский слободской армянин Егор Тарасов «обще с женою своею» заняли у армянина Калуста Буниатова 400 рублей, но вместо поруки заложили они ему, займодавцу, имевшиеся в армянской слободе «собственный двор его с хоромным строением, на котором имеетца хоромного строения две горницы, одна—бревенная с сенями, другая—брусная с сенями ж, на ней чердак, тесовый погреб с напогребницею, двор в гордыбе и с вороты»³⁹. Наконец, армянские купцы практиковали заклад ценных бумаг. Н. Б. Голикова в своем исследовании приводит пример, свидетельствующий о том, что армянин И. Богданов заложил индийцу Н. Чухгоеву купчую крепость на двор⁴⁰. Этот пример не был единственным.

кредита (см. Ж. А. Ананян. «Записки» Гмелина как источник по изучению русско-армянских торгово-экономических отношений во второй половине XVIII в.—В кн.: Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983, с. 100—101).

³⁴ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 534, л. 127 (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 114).

³⁵ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 525, л. 13 (этот факт приведен также в статье Н. Б. Голиковой «Ростовщичество в России...», с. 284).

³⁶ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 529, л. 77 об. (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 66—67).

³⁷ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 532, л. 17 об. (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 95).

³⁸ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 532, л. 54 (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 95—96).

³⁹ ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 564, л. 1.

⁴⁰ Н. Б. Голикова. Ростовщичество в России..., с. 286.

Другой формой страховки кредитных сделок и торговых операций армянских купцов были письменные поручительства. В одном случае они заменяли закладную форму страховки, в другом являлись гарантией предстоящей уплаты пошлины при провозе товаров транзитом. Здесь мы рассмотрим первый случай как имеющий касательство к теме нашей статьи. Заемные письма, отложившиеся в астраханских крепостных книгах, свидетельствуют, что вместо требуемого залога имущества кредиторы порой довольствовались письменным поручительством какого-нибудь авторитетного купца. Чаще всего это были купцы из армян. Однако поручителями в кредитных сделках армяне могли выступать купцы и других наций. Например, 8 июня 1726 г. между армянином Парсаком (очевидно, искаженное Барсер) Семеновым и индийцем Марварнем Бараевым была заключена кредитная сделка, а в качестве поручителя свою подпись в заемном письме поставил «гречанин Христофор Матвеев»⁴¹. Не всегда, однако, заемные письма закреплялись подписями поручителей или гарантировались залогом. По-видимому, существовала и доверительная форма отношений между купцами, в том числе разных национальностей.

Связи в кредитных делах российских армян с другими народами прослеживаются на протяжении всего XVIII в. Так, в феврале 1740 г. три юртовских татарина заняли 105 р. у астраханского армянина Хачатура Мелкумова с обязательством выплатить долг в июне 1743 г.⁴² Что касается взаимоотношений в кредитных операциях между армянами и русскими, то выясняется, что армянское купечество давало ссуды русским купцам еще в XVII в. Армяне охотно шли на предоставление кредитных ссуд русским торговцам, тем самым частично удовлетворяя постоянную потребность русских торговых людей в кредите, особенно иностранной валютой. В свою очередь выгода армян заключалась в том, что долг, полученный в иностранной валюте, русские купцы выплачивали в Астрахани русскими деньгами, которые шли на покрытие таможенных расходов армянских купцов. Так, в относящемся к 1677 г. челобитье армянин Егуп Бугусов (очевидно, искаженное Аюп Погосян) просил разрешения дать займы денег русскому торговому человеку (без указа подобные сделки между русскими и иноземными торговцами запрещались): «и отдаст он, Егуп, те деньги займщику для береженья, чтоб в Астрахань дозев. Потому что в Астрахане будут из-за моря ево братья армяния с шолком сырцом и своими товары и теми деньгами платить пошлину, а в Астрахане вскоре денег занять негде»⁴³.

В специальной литературе приводятся данные о количестве ссуд, предоставленных иностранцами русским купцам в начале XVIII века. В составленной Н. Б. Голиковой по документам таблице армяне занимают скромное—шестое (предпоследнее) место после англичан, голландцев, индийцев и купцов других стран⁴⁴. В дальнейшем, однако, картина меняется. Многие армянские купцы, в том числе такие видные негоцианты как Лука Ширванов, Иван Карапет, братья Лазаревы, в течение всего XVIII в. охотно кредитовали русских купцов. Иван Карапет, например, за сравнительно короткий промежуток времени выдал более 40 ссуд на сумму около 16 тыс. руб., из них около 30 ссуд было отпущено русским купцам. Среди должников этого армянского негоцианта мы видим представителей известных дворянских фамилий и высшей администрации (Меншикова, Толстого, Долгорукова и других)⁴⁵. Эти ссуды были выданы без

⁴¹ Там же, кн. 530, л. 142 (см. также: Русско-индийские отношения в XVIII в., с. 70).

⁴² ЦГАДА СССР, ф. 615, кн. 548, л. 2 об.

⁴³ ЦГАДА СССР, ф. 100 (Сношения России с Арменией), 1676 г., д. 3, л. 4. Хотя дело находится в описи 1676 г., однако цитируемый документ относится к марту 1677 года.

⁴⁴ Н. Б. Голикова. Кредит и его роль..., с. 175.

⁴⁵ Этот и другие известные нам факты свидетельствуют о верности выдвинутого в специальной литературе положения, что неизбежная в условиях господства феодального хозяйства скудость денежных ресурсов государства ограничивала денежные доходы представителей высшей администрации, что создавало предпосылки для появ-

каких-либо поручительств, что свидетельствует о доверительном отношении Ивана Каралета к кредитуемым лицам и о заинтересованности его в подобных одолжениях⁴⁶.

Мы привели примеры ссуд, дававшихся армянами русским и другим купцам. Если же провести сравнительный анализ дававшихся и полученных армянами ссуд, то наши подсчеты, сделанные на основании цифровых данных Н. Б. Голиковой (взятых ею из записных книг Астраханской крепостной конторы за 1724—1725 гг.)⁴⁷, свидетельствуют о следующем. Из 132 лиц, давших ссуды в 1724 г., было 89 индийцев и 29 армян, остальные—татары, греки и бухарцы. Стало быть, армяне занимали второе место и составляли 22% среди кредиторов. На следующий год среди 119 кредиторов было 93 индийца и 16 армян (13,5%). По количеству выданных ссуд, таким образом, подавляющее большинство за эти годы составляли индийцы (65—69%), а на втором месте—другие выходцы из восточных стран, в том числе армяне. Если же обратиться к данным о тех, кто брал ссуды, то больше всего среди них было юртовских татар (83 из 257 в 1724 г. и 80 из 232 в 1725 г.), дальше шли бухарцы (соответственно 41 и 61), а на третьем месте—армяне (33 из 257 в 1724 г. и 24 из 232 в 1725 г.), то есть 12,8 и 10,3%.

Приведенные данные отражают сделки армян лишь с представителями других этнических и социальных групп. Однако значительное число сделок о займах, подрядах, компаниях и т. п. заключались внутри армянской общины. Отдельные данные об этом встречаются за первую половину XVIII в., но регулярные документальные свидетельства сохранились лучше с середины XVIII в., когда появилось делопроизводство армянских судов Астрахани, Кизляра, Моздока и Новой Нахичевани. Активная хозяйственная деятельность армян нашла отражение и в применявшемся в судопроизводстве этих армянских поселений «Судебнике астраханских армян».

Изучение практики кредитных операций, совершавшихся внутри армянских общин, привело нас к выводу, что в целом армянский торговый капитал в России не был ростовщическим⁴⁸. Дело в том, что ограниченность в XVII—XVIII вв. свободных средств приводила к практике займов, ставших одним из важных условий ведения армянами как внешней, так и внутренней торговли. Поэтому армянские торговцы, как и русские купцы, выступали то как кредиторы, то как должники. В эти отношения были вовлечены все слои армянского купечества. В качестве кредиторов не всегда выступали зажиточные торговцы. Псдчас малоимущие купцы через кредит стягивались в большие торговые операции, получая определенные выгоды. И наоборот, специфика внешнеторговых операций определяла потребность в ссудах даже крупному купечеству. Стало быть, кредитные сделки не имели случайного характера. Они органически включались в процесс организации торговой деятельности всего армянского купечества⁴⁹.

Практика взаимокредитования являлась, таким образом, следствием того, что в XVII—первой пол. XVIII вв. государственного кредитования практически еще не существовало, ростовщичество было развито слабо, отсутствовали также частные банки и меняльные конторы. Поэтому русское правительство на протяжении почти всей первой половины XVIII в. проводило политику сохранения баланса в отношении позиций ростовщического капитала. С одной стороны, оно не применяло крутых мер к астраханским индийцам, в руках которых была сосредоточена большая часть ростовщическо-

ления задолженности этих лиц богатым купцам (см. С. Я. Боровой. Кредит и банки..., с. 14).

⁴⁶ См. Новые документы об Иване Каралете, с. 206—208.

⁴⁷ См. Н. Б. Голикова. Ростовщичество в России..., с. 247—259.

⁴⁸ В свое время на это обратил внимание А. И. Юхт, который писал, что «...ростовщические операции армянских купцов были незначительны».—А. И. Юхт. Записные книги Астраханской крепостной конторы, с. 66.

⁴⁹ Аналогичные явления имели место и в среде русского купечества. См. Н. Б. Голикова. Кредит и его роль..., с. 169, 191—195. Е. И. Заозерская отмечает, что среди русских «торговых людей разных категорий почти не было таких, кто вел бы свои операции только на собственный капитал».—Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, с. 388.

го капитала юга России⁵⁰, ибо индийский капитал был необходим для кредитования русского купечества. С другой стороны, в целях развития промышленного капитала правительство в меру возможностей стремилось притормозить развитие в стране ростовщического капитала⁵¹, поставив на повестку дня узаконение и урегулирование различных форм кредитования.

Процесс создания в феодальной России кредитных учреждений был медленным и мучительным. Он затянулся почти на целое столетие. Как мы помним, первые попытки их создания были предприняты еще в XVII в. А. Л. Ординым-Нащокиным. В дальнейшем приказным избам, а в XVIII в. — городовым магистратам, центральным коллегиям, их канцеляриям и конторам, губернским и военным властям, консулам за границей вменялось в обязанность осуществление кредитных операций.

Экономический подъем первой четверти XVIII в. и хозяйственная политика Петра I и его преемников сделали актуальным решение конкретных задач по развитию в стране кредитного дела. В изданном в 1725 г. регламенте Коммерц-коллегии указывалось, что одной из функций коллегии является выдача ссуд торговым компаниям⁵². В 1728 г. с целью улучшения русского вексельного курса Верховный тайный совет принял решение об учреждении особой торговой компании в Амстердаме⁵³. Спустя год, в мае 1729 г. по представлению Коммерц-коллегии утверждается специальный Вексельный устав⁵⁴. В 1732 г. в Комиссии о коммерции рассматривался «Проект о банке казенном»⁵⁵. В 1733 г. указом «О правилах займа денег из Монетной конторы», основанной в 1729 г., были расширены кредитные операции конторы⁵⁶. Наконец, в конце 40-х гг. XVIII в. рассматривались банковские проекты В. Н. Татищева⁵⁷.

Все эти мероприятия затрагивали интересы торгово-промышленного сословия России, в том числе той части армянского торгового капитала, которая развивалась в сфере экономической жизни российского государства. Наша задача в этой связи — рассмотреть на конкретных примерах участие армянского купечества в развитии кредитного дела в торгово-промышленной сфере России.

Один из примеров подтверждает, что конторы государственных коллегий в центре и на местах выполняли банковские функции, распространявшиеся не только на русских, но и на армянских купцов. Армянин Авет Макаров сын Халдаров в 1725 г. (а по показаниям некоторых свидетелей, в 1723 г.) занял в Реште у местного жителя Аджилатифа Невоча 3210 р., оставив ему «по купецкому обыкновению» заемное письмо и обязавшись вернуть деньги займодавцу или конторе *Военной коллегии*. Купленные на эти деньги товары Халдаров отвез через Астрахань в Москву. По завершении же операции он узнал, что Невоч покинул Решт, оставив там дом и другое имущество. В 1727 г. Московская контора военной коллегии разыскала Халдарова в Москве и потребовала уплатить ей долг. Халдаров не возражал, но опасался, что Невоч или его наследники могут по оставленному Халдаровым заемному письму (и не получив денег от Военной коллегии) снова потребовать долг Халдарова с находящихся в Персии его родных, приведя и их, и Халдарова в разорение. Среди вещей Невоча, оставленных в

⁵⁰ И это тогда, когда ростовщичество в России было осуждено «Уложением» 1649 г., в ст. 255 которого имелась оговорка: «править засмные деньги по кабадам и по духовным на занщцках истаах, а роста на те заемные деньги не править». — ПСЗ, т. I, № 1.

⁵¹ Во второй половине XVIII в. качественный рост русской промышленности и торговли привел к тому, что правительство предприняло наряду с первыми мерами по созданию банков более решительные действия с целью ограничения в стране ростовщического капитала.

⁵² ПСЗ, т. VII, № 4453.

⁵³ ПСЗ, т. VIII, № 5233.

⁵⁴ Вексельный устав, сочиненной в Комиссии о коммерции указом е. и. в. Петра второго, напечатан вторым тиснением. Спб., 1746; см. также ПСЗ, т. VIII, № 5410.

⁵⁵ С. Я. Боровой. Кредит и банки..., с. 33.

⁵⁶ ПСЗ, т. VIII, № 5463, т. IX, № 6300.

⁵⁷ В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979, с. 399.

Реште, заемного письма Халдарова (которое он затребовал, чтобы внести долг) обнаружено не было. Тем не менее деньги пришлось внести, но дело оставалось открытым.

В 1729 г. Халдаров получил письмо от сына Аджилати́фа Невоча—Агаусена, который сообщал о смерти своего отца и о том, что сам он, возвратившись в Решт, получил от русских властей (Решт в те годы находился под суверенитетом России) долг Халдарова и другое имущество. В связи с тем, что Агаусен объявил об отсутствии у него каких-либо претензий, Халдаров обратился в 1730 г. в Военную коллегию (которая, таким образом, доказала выполнение ею банковских функций) о прекращении заведенного на него дела, что и было исполнено⁵⁸.

Как явствует из документов, осуществление конторами государственных коллегий банковских функций было обусловлено наличием у коллегий и их контор определенного денежного фонда, видимо не постоянного и колеблющегося. Эти же конторы и другие административные учреждения обычно разбирали и тяжбы по кредитно-долговым обязательствам.

В 1713 г. житель Конюшенной слободы в Москве Петр Муромцев занял у московского жителя армянина Меркула Абзарова 1765 руб., обязуясь расплатиться товарами. Выплату долга он гарантировал заемными крепостями, которые выдал Абзарову; «которые крепости,—говорится в документе,—поименны на подряд, вместо подрядных записей, в поставке ему, армянину, пеньки и сала». (Здесь мы имеем, кстати, пример, когда в одном документе фиксировались две операции—заемная и подрядная.) Далее от Абзарова поступила жалоба на Муромцева за то, что, во-первых, русский купец в срок не поставил товар, а во-вторых, хотя он и покрыл в дальнейшем долг, однако не только договорными товарами, но и такими, которые не значились в подрядных записях. Заявления армянского купца рассматривались и в Канцелярии Коллегии иностранных дел, и в Канцелярии сенатского правления⁵⁹.

Армянские купцы умело использовали в своей торговой практике удобства от применения векселей. К вексельным операциям они обращались и раньше (в Иране и в других странах Азии и Европы), то есть задолго до их переезда в Россию, а потом и в самой России⁶⁰. Утвержденный в 1729 г. Вексельный устав признавал, что вексель уже фактически имел применение в России. Хотя в Российской империи «перевод денег из казны и от партикулярных людей чрез вексели есть,—указывалось в Уставе,—однако же не в таком действе и почтении, как в прочих европейских владениях»⁶¹. Вексельное обращение освобождало купцов от сложностей и опасностей перевозки громоздких металлических денег⁶². Принятый Устав особо отмечал необходимость и пользу векселей для торгующего купечества. Устав определял образцы составления векселей, порядок их оформления, заключения сделок и во многом способствовал внедрению кредита в практику торговых операций и развитию торгового капитала.

Порядку вексельных операций армян на территории России посвящена 15-я глава I части «Судебника астраханских армян». Регламентированный «Судебником» порядок основывался на сочетании российского законодательства с практической деятельностью армянского купечества, связанного с экономической жизнью России, Ирана, Закавказья и европейских стран. Судебник приводит образцы оформления векселей. Из них явствует, что в Астрахани и других местах России армянское купечество входило в вексельные операции с торговцами разных городов и стран.

⁵⁸ ЦГАДА СССР, ф. 248 (Сенат), кн. 778, лл. 27—40 об.

⁵⁹ Там же, кн. 517, л. 183—184 об.

⁶⁰ Շ. Լ. Խ ա շ Ի ղ յ ա ն. Փոխանցարկն մուրհակը հայ խոզարկան միջավայրում.—«Պատմա-արևածարկան հանդես», 1981, № 1, էջ 89:

⁶¹ ПСЗ, т. VIII, № 5410.

⁶² В XVIII в. в обращении продолжала господствовать тяжеловесная медная монета. Например, в первой четверти века она чеканилась на сумму от 12 до 20 р. из пу- да металла. Бумажные деньги начали выпускать в России с 1769 г.—См. А. И. Ю х т. В. Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20—30-х годах XVIII в.).—Исторические записки, № 101, М., 1978, с. 276.

11 «Հանդես», № 2

Формы вексельных операций, в которых участвовали армянские купцы, были различными. Нас интересуют те из них, которые применялись в торговле и предпринимательской деятельности между армянами и русскими. Наиболее распространенной была такая форма, когда под вексель выдавался долг. Иначе говоря, кредитная операция заменялась вексельной, а вексель выступал узаконенной гарантией уплаты долга; в противном случае он мог быть опротестован. Так, владелец московской шелковой мануфактуры Дмитрий Шелковников, взяв в июле 1743 г. у своего коллеги—владельца шелковой мануфактуры армянина Захара Шеримана долг в 190 р., выдал ему на эту сумму вексель. Так как Шелковников не выплатил в срок всего долга, его вексель в соответствии с положениями Вексельного устава был опротестован в Московском магистрате. Однако тяжба двух мануфактурщиков в конечном итоге разбиралась в Мануфактур-коллегии⁶³, ибо в случаях, когда и истец, и ответчик входили в одно ведомство, их спор рассматривала эта коллегия или подчиненное ей административное учреждение.

Широкое применение векселей среди армянского купечества России подтверждается многочисленными сохранившимися делами Астраханского Армянского суда (ратгауза). Например, по векселю, составленному и заверенному в 1752 г. в ратгаузе, «от векселедаваца джюльфинского армянина Минаса Яковлева... векселепринимателю здешнему (то есть астраханскому,—Ж. А., В. Х.) мещанину армянину Маруту Маркову», первый расписался во взятии со второго долга на сумму 629 р. 20 к. В 1758 г. М. Яковлев оставался еще должным по этому векселю 200 р., в связи с чем рассматривавший это дело ратгауз вернул вексель М. Маркову⁶⁴. В 1753 г. объявленным банкротом по многим опротестованным векселям астраханский купец Асатур Артемьев признавал свои вексельные долги обер-фискалу флота Андрею Обалешеву и разным купцам на общую сумму 13.813 р. 60 к., в том числе 5.825 р. 70 к. «на армянах Иване Богданове, Иване Григорьеве, Мардиросе Меркульеве»⁶⁵.

Как и в других кредитных операциях, оформление векселей происходило иногда при участии поручителей, в документах именуемых также «медиаторами» и «одобрителями». При выдаче упоминавшимся А. Артемьевым в 1751 г. векселей (на 4 тыс. руб.) обер-фискалу А. Обалешеву одобрителями выступали в одном случае джюльфинский армянин Минас Яковлев, а в другом—тоже джюльфинец (и тоже уже известный нам) Мартирос Меркульев⁶⁶. Упомянутый выше в качестве кредитора А. Артемьева армянин Иван Григорьев, в свою очередь, подписался в 1752 г. в качестве «одобрителя» под векселем, данным тем же Артемьевым купцу Лаврентию Иванову за долг в сумме 910 р.⁶⁷

Одобритель, или посредник, своим поручительством как бы гарантировал возвращение долга, а при обнаружении неплатежеспособности должника считался обязанным возместить за него хотя бы часть суммы. Так поступил, например, известный астраханский купец и промышленник Федор Кобяков, выступавший посредником в сделке А. Обалешева и А. Артемьева и выдавший сам (когда начались осложнения с погашением Артемьевым долга) вексель Обалешеву на 1 тыс. руб.⁶⁸

Интересно отметить, что судьи Армянского суда, подкрепляя своими подписями и печатями заключаемые кредитные сделки, тем самым также выступали в роли поручителей и гарантов векселедаваца. Не случайно, что когда должники оказывались не в состоянии уплатить по векселю, то кредиторы апеллировали к судьям с требованием, чтобы они сами возместили долг банкрота⁶⁹. Другая функция Армянского суда в связи с вексельными операциями—право принимать к протесту неоплаченные векселя (которые обшуджались и взыскивались потом решениями суда)—доказывает, что армянский

⁶³ ЦГАДА СССР, ф. 277 (Мануфактур-коллегия), оп. 5, д. 1236, л. 1—2, об.

⁶⁴ ЦГИА АрмССР, ф. 383 (Астраханский Армянский суд), оп. 3, д. 988, л. 12.

⁶⁵ Там же, д. 986, л. 21.

⁶⁶ Там же, д. 985, л. 2.

⁶⁷ Там же, л. 14.

⁶⁸ Там же, л. 10.

⁶⁹ Там же, л. 14 и об.

судебно-административный орган выступал в данном случае наравне с другими государственными учреждениями России.

В выданных армянскими купцами векселях, как правило, не говорилось о величине процента за взятый кредит, однако при некоторых тяжбах в делах встречается упоминание «казанных» процентов, под которыми имеется в виду установленная в российском законодательстве и подтвержденная Судебником астраханских армян 6-процентная норма.

Дело Асатура Артемьева выявляет и другие любопытные факты из вексельной практики российских армян. Например, Артемьев предложил А. Обалешеву в счет погашения своего долга отправленные им в Москву для продажи 67 бочек (или 2 тыс. пудов) икры. Из этого явствует, что по векселю можно было расплачиваться также товарами⁷⁰.

Распространенной формой вексельных операций армянских купцов был и переходной или переходно-обменный вексель. Этот вексель позволял, сдав деньги в одном пункте, требовать их потом в том месте, где в них возникнет необходимость: либо от конкретного частного лица, состоявшего в деловых связях с векседавцем, либо от государственного учреждения или конторы. Иногда и в том, и в другом пункте торговец обращался к государственным органам, и тогда переходной вексель играл роль аккредитива.

В 1767 г. в Астраханский Армянский суд обратился крупный предприниматель, владелец фабрики в Астрахани армянин Реваз Залиев сын Денибеков с векселем, данным ему голландским купцом армянином Баласаном Моисеевым. По этому векселю, свидетельствующему о полученных Б. Моисеевым от Р. Денибекова товаре или деньгах, последний рассчитывал получить свои деньги с находящихся в Астрахани должников Б. Моисеева—Парфена Васильева, жены армянского купца Ивана Попова и др.—на сумму 2940 руб.⁷¹ Другой пример относится к более раннему периоду. В 1735 г. в Московскую контору Коллегии иностранных дел последовал указ о выдаче под вексель тысячи рублей армянскому купцу. «По получении сего указа,—говорится в документе,—и буде в конторе деньги имеются, выдать армянину Варламу Григорьеву тысячу рублей, взять у него вексельное письмо на армянина Луку Ширванова, который те деньги здесь заплатит... обязался»⁷².

Интересны также материалы дела петербургского армянина Игнатия Аносова⁷³. После опротестования его векселей выяснилось, что вексельные претензии предъявили ему 12 человек,—в том числе 6 армян (3 астраханских, 2 джувльфинских, 1 бакинский), 2 индийца, 2 перса, 2 русских,—всего на сумму 11.393 руб. 72 1/2 коп.⁷⁴ Эта сумма была получена после того, как в часть уплаты долга И. Аносова были учтены две бочки брусковой краски и некоторые другие товары (уплаченные Автандилу Мартиросову) и была востребована вексельная сумма (1574 руб.) с поручителя векселя (выданного Месропу Данилову) тифлисского армянина Каспара Степанова⁷⁵. Одновременно, при описи имущества И. Аносова у него были обнаружены 8 векселей и армянских *сандов*, по которым ему, в свою очередь, были должны другие векседавцы (к тому моменту все они умерли и не имели наследников), из них было 6 армян, 1 русский и 1 татарин,—всего на сумму 6.619 руб. 50 коп.⁷⁶

Обращает на себя внимание масштаб торговых, кредитных и вексельных операций армянского купечества. Помимо приведенных выше примеров, интересные факты содержатся также в деле, касающемся уже упоминавшихся долговых претензий к купцу А. Артемьеву. В целях недопущения протеста по векселю, данному в 1751 г. обер-фискалу А. Обалешеву, Асатур Артемьев предложил сперва доход от продажи своих

⁷⁰ Там же, лл. 4—5.

⁷¹ Там же, д. 1003, л. 2.

⁷² АВПР, ф. 2 (Внутренние коллежские дела), оп. 2/6, д. 2624, л. 1.

⁷³ ЦГИА АрмССР, ф. 383, оп. 3, д. 1020.

⁷⁴ Там же, л. 47 и об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, л. 48 и об.

товаров в Персии, который должен был доставить его приказчик К. Баласанов. Позднее, не дождавшись Баласанова, он предложил упомянутые 2 тыс. пудов икры, для чего составил уведомительное письмо в Петербург своему комиссионеру Филиппу Максимова сыну Татушеву. От того был получен ответ, что икра уже продана и деньги за продажу (2 тыс. руб.) отправлены в Амстердам проживающему там их «хозяину» (видимо, руководителю их торговых операций) армянину Петру Бабаджанову⁷⁷. Узнав об этом, А. Артемьев заявляет о своих давних и постоянных деловых связях с П. Бабаджановым, у которого, в свою очередь, должны быть доходы в Астрахани; их можно затребовать с астраханских и джувльфинских компаньонов—Парфена Васильева (кстати, также упоминавшегося нами в связи с делом 1767 г. о претензиях Р. Деннбекова), Петра Аносова, Хачатура Меркульева и Сафара Васильева. Мы видим на этих примерах, что предпринимательская деятельность этих армянских купцов простиралась на огромном пространстве от Джувльфы (Испанага) через Астрахань, Москву, Петербург и до Амстердама, и на всем этом расстоянии имели силу выдаваемые ими векселя, кредитные письма и другие деловые документы.

В то же время следует отметить, что переводные операции осуществлялись как между частными лицами, так и с участием государственных учреждений. Порой вексель являлся формой обмена и перевода денег из России в другое государство, в частности Иран. В некоторых случаях в переводе денег были заинтересованы и русские административные органы. Например, для нужд русской консульской службы в Иране губернские власти Астрахани осуществляли руками армянских купцов с помощью векселей обмен русских денег на персидскую монету. Существовало несколько способов обмена и перевода денег. Они были связаны в основном с вексельными операциями.

В одном случае русские деньги переводились в России в вексельную бумагу, которая предъявлялась в Иране для получения персидской монетой. Так, русский резидент в Испанаге Калушкин сообщал в мае 1737 г., что получил от армянского купца Александра Мартынова вексель на 2 тыс. руб., подписанный им 27 января того же года. Приняв и подписав этот вексель, Калушкин переслал его в Гилян консулу Арапову, который должен был для получения персидской монеты предъявить его компаньонам или приказчикам армянского купца. Самим армянам, ведущим торговлю и в России, и в Иране, такая форма обмена денег (при соблюдении паритета между денежными единицами России и Ирана) была невыгодна. Это объяснялось тем, что, как отмечал Калушкин, «в Персии российская рублевая монета ходит по восемьдесят копеек». Поэтому большинство армянских купцов соглашались выдать вексель для перевода и обмена денег с условием получения 20-процентной надбавки⁷⁸.

В другом случае те армяне, которые вели свои торги в Москве, Петербурге и других русских городах, в обмен на персидскую монету получали вексель от русской администрации Астрахани и Кизляра. Встречаются также факты, когда взамен персидских денег выдавался русским консулом в Иране. Векселя за подписью консула могли быть оплачены армянским купцам в России в административных учреждениях⁷⁹. Здесь мы имеем дело с практикой, когда административные органы в системе российского государственного управления осуществляли переводные вексельные операции, и армянские купцы принимали в этом активное участие.

Опыты по государственному кредитованию и осуществление вексельных операций, которые брали на себя некоторые административные учреждения России, несомненно, способствовали организации во второй пол. XVIII в. централизованного кредитования, а также учреждению банков. В 1754 г. организуется так называемый Купеческий банк («Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции»). В 1758 г. была основана «Банковская контора для обращения внутри России медных денег», или Медный банк, а в 1769 г.—Ассигнационный банк.

Все эти и другие банки были учреждены в столичных городах, тогда как на местах по-прежнему не существовало никаких органов государственного кредитования.

⁷⁷ Там же, д. 985, лл. 6, 8.

⁷⁸ АВПР, ф. 100 (Сношения России с Арменией), 1737, д. 3, лл. 127—128 об.

⁷⁹ Там же.

Единственным исключением стал основанный тогда же (в 1764 г.) Астраханский банк, что подчеркивает важную роль этого города в экономической жизни страны. Создание во второй половине XVIII в. банков было одним из свидетельств роста экономического потенциала русского купечества. Это, в свою очередь, требовало дальнейшего и более последовательного ограждения русских торговцев и предпринимателей от конкуренции иностранного капитала: на Западе—в лице европейского купечества, на юге—в лице восточных (армянских в том числе) купцов и индийского ростовщического капитала.

Показателен в этой связи тот факт, что Астраханский банк выдавал ссуды почти исключительно русским купцам. Из армян упоминаются лишь несколько предпринимателей, в первую очередь фабрикант Калуст Бунятов, занявший в 1771 году в банке 6500 р.⁸⁰ Как можно заключить из архивных документов, предоставление ссуд армянам сопровождалось сложными формальностями. Сохранилось целое дело о выдаче из Коммерческого банка ссуды армянину Минею Делянчеву, из которого видно, что от заемщика потребовали поручительства Армянского суда (отметим, кстати, что и в банковских операциях на Армянский суд возлагалась функция коллективного поручителя). В связи с тем, что деньги нужны были Делянчеву срочно (5 тыс. р.), а Армянский суд не мог скоро представить требуемый «аттестат», то потребовалась расписка трех «капиталистных» поручителей (хотя и сам Делянчев был уже известен к тому времени как достаточно «капиталисты»), каковыми выступили Гаврила Татусов, Каспар Муратов и Макар Калустов⁸¹.

Стало быть, кредитование армян было явлением крайне редким. Однако важная роль армян в экономической жизни края вынуждала правительство решать вопрос и их кредитования. 11 марта 1779 г. последовал указ императрицы Екатерины II об учреждении в Астрахани «Ссудного банка для поправления состояния жительствоющих там армян»⁸². Организовать банк было предписано на основаниях, изложенных в Манифесте от 31 марта 1775 г., которым предусматривалась организация финансовой помощи пострадавшему от восстания Пугачева дворянству: в частности, выдавать дворянам из банков ссуды на льготных условиях. Те же условия были распространены на армян, состоявших уже клиентами Астраханского коммерческого банка⁸³. Новоучрежденному банку был выделен капитал в сумме 50 тыс. руб. (то есть в три с половиной раза меньше, чем в свое время для Астраханского коммерческого банка).

Указ об Астраханском Армянском банке был опубликован в официальной печати⁸⁴, вошел в собрание законов и упоминается в специальных исследованиях. Тем не менее в архивах не удалось обнаружить ни каких-либо документов этого банка, ни хотя бы упоминаний о его деятельности. Очевидно, это можно объяснить тем, что правительство решило не создавать для нового банка отдельной «экспедиции» (конторы), а подчинило его дирекции Коммерческого банка. Правда, в делах этого банка также не найдено следов Армянского банка. Среди рапортов Коммерческого банка астраханскому губернатору об отпуске денег лишь изредка встречаются армянские фамилии. Так, в 1782 г. за ссудами обращались армяне Шатвор Бунятов (просивший 400 р.), Аврам Хачатуров (5000 р.)⁸⁵ и Абрам Ашрафов (150 р.)⁸⁶, а в 1783 г.—Иван Амбросов

⁸⁰ Гос. архив Астраханской области (ГААО), ф. 394 (Астраханская губернская канцелярия), оп. 1, д. 3500, л. 16.

⁸¹ Там же, д. 4684, л. 130.

⁸² ПСЗ, т XX, № 14.853.

⁸³ Эти льготы заключались в предоставлении ссуды сроком на 10 лет из расчета 3% годовых, а за первые три года даже 1%. См. С. Я. Боровой. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII века.— Исторические записки, т. 33, М., 1950, с. 111.

⁸⁴ Санкт-Петербургский вестник, 1779, ч. 3, с. 247.

⁸⁵ ГААО, ф. 1 (Канцелярия Астраханского гражданского губернатора), оп. 16, д. 34, лл. 64 и 116.

⁸⁶ Там же, ф. 394, оп. 1, д. 5551, л. 4.

(6300 руб.)⁸⁷. Вместе с ними встречаются фамилии десятков русских купцов, обращавшихся за ссудами, и это позволяет заключить, что во всех случаях речь идет лишь об одном, а именно: об Астраханском коммерческом банке, клиентами которого состояли как русские, так и армяне.

Из специальной литературы установлено, что как из выделенной для Армянского банка суммы (50 тыс. р.), так и из прочих сумм Астраханского банка армянам было выдано ссуд на 210.086 р. 96 к., сверх того на разведение шелковых заводов армянам Сафарову и Хастатову—15 тыс. р. и 44.985 р. соответственно⁸⁸. Всего, таким образом, армяне получили свыше 270 тыс. р. Все это позволяет заключить, что Армянский банк не существовал в качестве отдельного учреждения и что результатом указа 1779 г. (а может быть, и его фактической целью) было лишь создание при Астраханском коммерческом банке специального фонда (50 тыс. р.), которым могли пользоваться только армяне.

Приведенный в настоящей статье материал позволяет сделать следующий вывод: с трудом пробивавшие себе дорогу в условиях феодально-крепостнической России передовые формы капиталистического хозяйствования находили более быстрое восприятие и широкое применение у купцов и предпринимателей армянских колоний юга России, где процессы развития новой общественно-экономической формации начались сравнительно рано. И будучи вовлеченным в единый социально-экономический процесс развития российского общества, армянский торговый капитал уже в XVIII в. отличался от восточного, в частности индийского, капитала, который, как известно, имел ярко выраженный ростовщический характер. Это позволяет понять, почему армянский торговый капитал в России в целом не был ростовщическим.

Данное обстоятельство было благоприятным экономическим условием для перерастания армянского торгового капитала в капитал промышленный, что получило свое логическое завершение в конце XVIII—начале XIX вв. Кстати, этот процесс в целом шел параллельно с аналогичными явлениями в русской экономике. Эволюция армянского торгового капитала была по сути одним из факторов, который продлил и социальную, и хозяйственную, и культурную жизнь армянских колоний России, в то время как индийская община в Астрахани в скором времени перестала существовать⁸⁹.

Итак, изучение роли кредита в деятельности армянского купечества во многом помогает выяснению отдельных вопросов становления в России капиталистической экономики, поскольку в этом процессе принимал участие и армянский торгово-промышленный капитал.

⁸⁷ Там же, д. 5770, л. 1.

⁸⁸ М. Рыбушкин. Записки об Астрахани. М., 1841, с. 67.

⁸⁹ В этой связи интересно познакомиться с высказыванием индийского исследователя Ф. М. Кемп, которая отмечает, что нежелание осваивать, подобно армянам, уже занятые другими сферы деятельности вынудило астраханских индийцев сосредоточиться на ростовщичестве. Далее она подчеркивает, что использование накопленных капиталов исключительно в целях ростовщичества привело индийцев к постепенному экономическому ослаблению, а в дальнейшем и к исчезновению индийской общины в Астрахани. См. P. h. M. K e m p. Bharat—Rus. An Introduction to Indo-Russian contacts and travels from medieval times to the October revolution. Delhi, 1958, pp. 76, 85.

ՎԱՐԿԻ ԴԵՐԸ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆՈՒՄ
 ՀԱՅ ՎԱՃԱՌԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ (XVII—XVIII դդ.)

ժ. Ձ. ԱՆԱՆՅԱՆ, Վ. Ա. ԽԱԶԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հողվածում քննվում է Ռուսաստանի հայկական գաղթավայրերում վաշխառության և վարկավորման ծաղումն ու զարգացումը՝ կապված ռուսական բացարձակ միապետության ձևավորման ու հաստատման ընթացքում տեղ գտած մի շարք բնորոշ սոցիալ-տնտեսական պրոցեսների հետ: Արխիվային նյութի և հրատարակված որոշ աղբյուրների հիման վրա քննվում են ռուսահայերի շրջանում կիրառվող վարկավորման տարբեր եղանակները, մուրհակային իրավունքի, բանկային գործի ձևավորումը և այլն:

Վարկային գործառնությունների պրակտիկայի ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ Ռուսաստանում հայկական առևտրական կապիտալն ընդհանուր առմամբ վաշխառուական չէր և որ հայ վաճառականներն ու ձեռնարկատերերը լայնորեն կիրառում էին կապիտալիստական տնտեսավորման առաջավոր ձևերը: Իրանք ճորտատիրական Ռուսաստանի պայմաններում դժվարությամբ իրենց համար ճանապարհ հարթելով, Հարավային Ռուսաստանի հայկական գաղթավայրերում ավելի արագորեն էին ընդունվում, քանի որ նոր հասարակական-տնտեսական ֆորմացիայի զարգացման պրոցեսներն այդտեղ համեմատաբար ավելի վաղ էին սկսվել: Այդ հանդամանքը հայ առևտրական կապիտալը արդյունաբերականի վերաճելու բարենպաստ տնտեսական պայման էր, որն իր տրամաբանական ավարտին հասավ XVIII դարի վերջին—XIX դարի սկզբին: